

УДК 101.37.01

DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-427-436

EDN LCWZIW

Греческая пайдейя и византийский восток: кризис и новое восприятие

Дегг Э.Б.

Институт развития образования

Россия, 344011, г. Ростов-на-Дону, пер. Гвардейский, д. 2/51

degg@sfedu.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы просвещения и интеллектуальной жизни, их значение в культуре Византийской империи. Важнейшее явление античной культуры, которое было воспринято византийцами, – «пайдейя» (παιδεία) – «воспитание», «образование». Пайдейя как концепция сформировалась под воздействием таких понятий древнегреческой культуры, как агональность (ἀγών), калокагатия (καλὸς κἀγαθός), арете (ἀρετή). Цель исследования – проследить эволюцию пайдейи в Византийской империи через призму культурной динамики в течение трёх эпох этого государства; определить место пайдейи, её роль в византийском обществе, интеллектуальной сфере. Исследование опирается на научный задел в области античного образования, созданного немецким филологом Вернером Йегером, а также на фундаментальные изыскания в области византийского гуманизма, проделанные французским византологом Полем Лемерлем. Исследование показало, что византийская система образования выдержала социальные катаклизмы Раннего Средневековья и сохранила преемственность с античной пайдейей. Сделаны выводы о том, что деградация образования в византийском обществе привела в эпоху VIII–IX веков к религиозному расколу – иконоборчеству, а в дальнейшем среди византийских интеллектуалов возобладала страстная любовь к античному культурному наследию, сохранённому ими. Это очень серьёзно поспособствовало развитию итало-византийского гуманистического диалога.

Ключевые слова: пайдейя, византийская пайдейя, образование, воспитание, интеллектуальная культура, Античность, Средневековье, византийский гуманизм, В. Йегер, П. Лемерль

Для цитирования: Дегг Э.Б. 2025. Греческая пайдейя и византийский восток: кризис и новое восприятие. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 427–436. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-427-436 EDN: LCWZIW

The Greek Paideia and the Byzantine East: Crisis and New Perception

Andrew B. Degg

Institute of Education Development

2/51 Gvardeysky Lane, Rostov-on-Don 344011, Russian Federation

degg@sfedu.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of education and intellectual life, their significance in the history of culture in the Byzantine Empire. The most important phenomenon of ancient culture, which was adopted by the Byzantines, is "paideia" (παιδεία) – "upbringing", "education". Paideia as a concept was formed under the influence of such concepts of ancient Greek culture as "Agon", "Agonism" (ἀγών), kalokagathos (καλὸς κἀγαθός), arete (ἀρετή). The purpose of the article is to trace its evolution in the Byzantine Empire through the prism of cultural dynamics during three eras of this state; to determine the

place of paideia, its role in Byzantine society, the intellectual sphere. The article is based on the important scientific groundwork in the field of ancient education, created by the German philologist Werner Jaeger, as well as on the fundamental research in the field of Byzantine humanism carried out by the French byzantologist Paul Lemerle. The research showed that the Byzantine education system withstood the social cataclysms of the Early Middle Ages and maintained continuity with the ancient paideia. Conclusions: the degradation of education in Byzantine society led to a religious schism in the 8th-9th centuries – iconoclasm; after this crisis, in the future the Byzantines were able to preserve their ancient cultural heritage thanks to their prevailing love for Antiquity. This fact very seriously contributed to the development of the Italo-Byzantine humanistic dialogue.

Keywords: Paideia, Byzantine paideia, education, upbringing, intellectual culture, Antiquity, Middle Ages, Byzantine humanism, W. Jaeger, P. Lemerle

For citation: Degg A.B. 2025. The Greek Paideia and the Byzantine East: Crisis and New Perception. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50 (2): 427–436 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-427-436 EDN: LCWZIW

Введение

Вопросы, связанные с темой образования, являются уже, пожалуй, несколько столетий важнейшим аспектом общественной, государственной и научной дискуссии об «успешной», «развитой», «приличной» стране, делающей всевозможные социальные и технологические «прорывы», которые станут примером для всех остальных государств. Для России этот вопрос также очень важен, особенно остро он стоит последние 30 лет, после развала советской системы образования. Общемировая и за ней российская экономическая устойчивая тенденция ориентирует человека на такие качества личности, как коммуникативность, креативность и, самое главное, высокая адаптивность – всё в угоду нынешней динамичной, технократической эпохе и рынку труда. На профессиональные и образовательные вызовы должна отвечать современная педагогика и, шире, современное социогуманитарное знание, испытывающее кризис в вопросе собственной значимости и нужности, особенно под давлением естественно-научного знания.

Современная образовательная система пытается адаптироваться под потребности рынка, используя нестандартные методы, которые ориентированы на раскрытие потенциала человеческой личности. Однако забывается подлинная ценность и значимость человеческой образованности, всесторонне развитой личности без привязки к какой-либо «утилитарной» цели. Даже в обыденной среде до сих пор сохраняется «стихийный» пиетет перед «образованным человеком» – то есть образование ценно само по себе, оно, так или иначе, есть самоцель – вот что нам сообщает данный общественный стереотип, за которым, однако, скрывается очень даже серьёзная и осмысленная история и практика.

Именно в этой, к сожалению, часто остающейся в тени практике и системе ценностей нам и хотелось бы разобраться. Речь идёт об уникальном явлении древнегреческой и византийской культуры – пайдейи (παιδεία – воспитание детей), концептуально – системе образования и/или воспитания.

Когда мы используем термин «пайдейя» в современном научном обороте, мы полностью обязаны выдающемуся немецкому учёному филологу Вернеру Йегеру. Именно он комплексно рассмотрел данное явление античной культуры во всей его широте – от времён гомеровских эпосов до позднеантичного христианского неоплатонизма. Конечно, его главный труд «Пайдейя» в силу специализации автора носит больше филологический характер, но сам Йегер небезосновательно отмечал, что «...история греческого образования совпадает в основном с историей литературы» [Йегер, 2001, с. 21]. Само же воспитание и образование через культуру в Древней Греции было проникнуто, выражаясь современным языком, гуманистическим духом, идеей человеческой индивидуальности,

личности, в отличие от цивилизаций Востока. А самое главное, появилась Идея, Образ человека, к которому нужно стремиться, в чём и помогает пайдейя. «Однако "человек как идея" означает "человек как общезначимый и обязывающий образец своего вида". Отпечаток сообщества, накладываемый на отдельное лицо, который мы поняли как сущность воспитания, исходит у греков – все более осознанно – из такого-какого? образа человека и в непрестанной борьбе ведет к философскому обоснованию и углублению проблемы воспитания. С такой основательностью и целесообразностью это не достигалось нигде более» [Йегер, 2001, с. 23]. Надо отметить, что сначала сам Вернер Йегер, а за ним французский учёный Анри-Ирене Марру утверждают, что пайдейя – это и есть истинный гуманизм, при чём и концептуально, и буквально это римский «перенос»: «Интересно отметить, что, когда Варрону и Цицерону придется переводить слово *παιδεία*, они изберут *humanitas* как латинский эквивалент» [Марру, 1998, с. 142].

Ценностные истоки греческой пайдейи и её модель

Греческая пайдейя сформировалась таким неповторимым образом благодаря уже традиционно выделяемой «аномальности» греческой цивилизации по отношению к Востоку, которую, например, выводят из социальной природы греческого полиса [Бондаренко и др., 2014]. А конкретно в нашем контексте этот генезис касается следующих оригинальных явлений и понятий: 1) агон (*ἀγών*) – состязательность, дух борьбы, конкуренции, в научном обороте впервые сформулировано как комплексное понятие «агональность» Якобом Буркхардтом [Burckhardt, 1998]; 2) калокагатия (*καλὸς καὶ αἰσθής*) – совокупность добродетелей греческого полисного гражданина, гармония телесной и духовной природы человека, берёт начало во времена Семи мудрецов и Солона, актуализировано в научном обороте Алексеем Лосевым [1965, с. 100]; арете (*ἀρετή*) – свойство военной знати, превосходство, благородство в философско-этическом ключе, выходящее из буквальных рамок сословной принадлежности, актуализировано Вернером Йегером [2001, с. 34].

В целом же такое понятийное богатство, неограниченное сферой образования, стало возможно благодаря рационализации общественной жизни, что мы знаем по Ж.-П. Вернану, но, как отмечает Геннадий Драч, в том числе вследствие тесной связи философии с мифом и «естественной теологией» греков, а также их активного, разнопланового, открытого образа жизни на просторах Средиземноморья [Драч, 2024].

Также важным аспектом для нас является двойственность древнегреческой культуры, представленная аполлоническим и дионисийским началом. Если первое начало ответственно за рациональное, рассудочное, «мужскую природу», то второе включает в себя иррациональность, необузданность, саморазрушающую тягу к смерти. Такая постановка проблемы природы древнегреческой культуры появилась ещё в эпоху Просвещения и Романтизма в рассуждениях Иоганна Иоахима, Фридриха Гёльдерлина, однако классическое понимание данного вопроса было сформулировано Фридрихом Ницше в работе «Рождение трагедии» [Ницше, 2001], что в значительной степени обогатило дискуссионный процесс в антиковедении. Эти два начала так или иначе воплотились в двух технологических системах образования и воспитания: афинской и спартанской школах. Спартанская школа была больше нацелена на воспитание исключительно воина, способного переносить все тяготы военного быта, от чего и быт «мирный», «гражданский» был максимально приближен к военному образу жизни. Физическая и военная подготовка вытесняли мусический элемент образования. Отличительной особенностью спартанской школы было условное равенство между мужчиной и женщиной в быту и школьной подготовке. Спарта в итоге не дала богатого интеллектуального наследия [Джуринский, 2000, с. 20], и её затмили Афины.

То, что мы называем термином «пайдейя», в технологическом смысле является по факту афинской школой. Её многоступенчатый «скелет» выглядит следующим образом: 1) первые 7 лет жизни человека – воспитание внутри семьи; 2) 7–16 и 12–16 лет – начальное мусическое (μουσικός) образование, с 12 лет – начальная физическая и военная подготовка; 3) 16–18 лет – сочетание в гимнасии в примерном балансе физической и умственной подготовки, однако делается акцент на философской и риторической подготовке; 4) 18–20 лет – вступление в совершеннолетие и обучение в эфебии – здесь человек становился полноценным гражданином-воином; 5) наиболее важный и заключительный этап: смещение в эллинистическую эпоху мусическим элементом физического в эфебии и фактическое превращение её в подготовку к действительно «высшей школе» – академии, по началу философским элитарным кружкам, возникшим в классическую эпоху.

Эти философские школы и есть квинтэссенция пайдейи. Македонский и римский этапы эллинистической эпохи серьёзнейшим образом поспособствовали в деле распространения пайдейи: первый в создании философских «жемчужин» – академий в Восточном Средиземноморье, а второй – в массовом и утилитарном «тиражировании» предшествующих академиям этапов образования. В свою очередь, кризисная и переходная эпохи поздней Античности и раннего Средневековья подготовили почву для содержательной «редактуры» системы образования набиравшем силу христианством, что и определило облик средневековой византийской пайдейи.

Таким образом выглядит в кратком анализе греческая образовательная традиция. К сожалению, в наших концептуальных рамках невозможно дать полное описание античной пайдейи. Более полное представление о ней мы постарались сделать в ранее проведённом исследовании [Дегг, 2022]. Но без некоторых вводных данных об античном этапе пайдейи совершенно невозможно говорить о её византийском периоде.

Уже имея перед собой богатую картину развития греческой образовательной традиции, учитывающей в том числе и историко-культурный контекст, мы можем, наконец, перейти к рассмотрению судьбы пайдейи на средневековом византийском востоке.

Катастрофа образовательной системы в раннем Средневековье.

Периодизация и динамика византийской интеллектуальной культуры

Пройдя долгий путь вместе с греко-римской государственностью, пайдейя стала неотъемлемым атрибутом античной цивилизации. Эллинистические государства и Римская империя успешно воспроизводили и «тиражировали» аттическую образовательную систему, особенно это касается Рима. Однако общий кризис античной цивилизации, кризис античного мирозерцания, приводит к упадку римской государственности и культуры в переходную эпоху раннего Средневековья. Но этот фатальный упадок происходит на латинском Западе империи, на Востоке же образуется Восточная Римская империя, более хорошо нам известная под историографическим кабинетным термином «Византия». Данная терминологическая проблема является частью огромной общественной и научной дискуссии, и подробно вникать в неё мы не будем, лишь отметим, что по своей сути Византийская империя является во многом парадоксальным явлением, сочетающим в себе и старую римскую государственность, и новую христианскую веру, и, что для нас особенно важно, богатейшую, плодотворнейшую эллинистическую «почву», на которой и происходят историко-культурные метаморфозы эллинизма и византинизма, видной частью которых является пайдейя.

Данная эпоха, несмотря на свою катастрофичность, при более внимательном изучении оказывается весьма гармоничным переходом в культурной сфере, в частности в образовательном элементе. Тот же Анри Марру отмечал: «...Победа христианства не

произвела такого переворота в педагогике, какого склонен ожидать современный человек; жизнь классического образования продолжается в течение всей византийской истории» [Марру, 1998, с. 139].

Какова же была судьба пайдеи в Византии? Для этого обратимся к анализу общей картины истории византийской культуры и её интеллектуального аспекта, обозначим традиционно выделяемые основные этапы развития.

1. *Ранневизантийский период – IV–VII века.* Этот период также называют позднеримским периодом. Объясняется это сложным переходным характером культуры, который существовал в античном обществе. Наблюдается постепенное отмирание рабовладельческого строя, возникновение средневековой культурной формации с феодальными отношениями. Происходит перемещение политического и культурного центра Империи с Запада на Восток. В сфере просвещения это выражается ещё более ярко и даже катастрофично: вместе с падением римского государства на латинском Западе стремительно исчезает и распространённая им пайдейя. Она «скукоживается» до представителей позднеримских интеллектуалов (Кассиодор Сенатор, Марциан Капела, Северин Боэций, Августин Блаженный, Исиодор Севильский) и монахов (прежде всего, писцы-переписчики бенедиктинцы). Эти круги в «экстренном» порядке собирают «всё самое необходимое» и «упрощённое» из культурного наследия для стремительно теряющего под варварским натиском своё «арете» латинского человека.

Всё больше проявляются синкретические тенденции в общественной жизни. Это хорошо показывает эллинистический Восток. Происходит «косметическая» замена наиболее ярко выраженных языческих, эллинских, как тогда говорили, элементов в культуре и образовании в соответствии с христианскими догматами. Самые яркие и значимые события: отмена Феодосием I олимпийских игр – то есть полное урезание пайдеи в её гимнастической, физической части; создание гонителем язычников и покровителем пайдеи Феодосием II своего Университета, известного также как «Аудиториум», Магнаврская высшая школа [Фрейберг, 1975, с. 9]; «ревнитель Православия» Юстиниан I покровительствует Трибониану в кодификации римского права – важнейшего элемента «просвещённого общества» и одновременно упраздняет самую известную академию – Афинскую школу, – у нового христианского Константинопольского Университета не может быть непокорных «языческих» конкурентов. Восточные Отцы Церкви, прежде всего Великие Каппадокийцы, хвалят «старые науки» в техническом свойстве, но не в аксиологическом, признавая за ними пропедевтическую функцию.

При этом очень важно отметить, что Афины после «христианского удара» отнюдь не были диким провинциальным захолустьем, как это часто представляется в силу традиционной ориентации современного взгляда на «блистающий» Константинополь. Конечно, в политическом и чисто материальном плане Афины были достаточно бедной пелопонесской провинцией, однако в *культурном* (и, что также важно, *символическом*) плане значение города сохраняется не только в позднеантичный период, но и на протяжении большей части последующей византийской истории, входя в традиционные списки важнейших эллинистических городов. Те же христианские апологеты и патристическое движение в духе обозначенного «примирения» и «апроприации» превращают Афины (что парадоксально) в новый центр христианского паломничества, главным объектом которого был избран, пожалуй, главный символ античного язычества – Парфенон, ставший храмом Панагии Афиниотиссы (Афинской Божьей Матери). Патристический гуманизм преобразовывает весьма причудливым образом внешний облик здания, при этом как сохраняя античную эстетическую направленность, так и вкрапляя византизм. Современный греко-американский исследователь Энтони Каллделлис делает попытку археологической реконструкции объекта, также используя анализ комплементарных источников, и фиксирует важность Афин как места религиозного [Kaldellis, 2009] и политического паломничества, не уступающего порой пальму

первенства даже Константинополю: "In 1018, the emperor Basileios II, went on a pilgrimage to Athens directly after his final victory over the Bulgarians for the sole purpose of worshipping at the Parthenon. He then returned to the north and staged a triumphal procession to Hagia Sophia in the capital the following year. Our account of this unusual event, by the historian Ioannes Skylitzes, suggests that the emperor perceived Athens as the special site of reverence of the Mother of God, not Constantinople, which had traditionally held that honor" [Kaldellis, 2007, p. 4]. Описанная эпоха, как мы видим, представляет собой переходную стадию, когда одно сменяется другим, одни идеологические элементы вступают в конфликт или синтез с другими. Поэтому всё же цельного и самостоятельного образа здесь нет. Этот идейный образ появляется у последующих двух эпох византийской культуры. Упомянутый случай с Василием II как раз демонстрирует смещение акцентов с чисто антично-языческих коннотаций на доминирование христианских, свойственных средневизантийскому периоду.

2. *Средневизантийский период – VII–XII века.* Является, во многом оправданно, основной эпохой, по которой воспринимают Византию. Здесь уже нет несамостоятельных переходных тенденций, а проявляется зрелая, оригинальная византийская христианская средневековая культура, достигшая больших высот и имеющая свои отличительные особенности. Данный период можно разделить на две условные части: VII–IX и IX–XII века. VII–IX века ознаменованы культурным спадом и экономическим кризисом, во многом связанным с потерей половины эллинистической ойкумены, завоёванной арабами, а также бурлящим и затяжным философско-религиозным кризисом. В конце этого периода, начиная с IX века, наступает ключевой этап в сохранении в Византии античного наследия, гуманистических ценностей, основ пайдеи, что стало возможно благодаря византийским интеллектуалам, так же как и на Западе, переписывавших греческие тексты, сохранявших в себе чувство преемства «эллинского духа». Такой партией, сохранившей своё культурное эллинство в гармонии с христианством (полнотой Православия), стали иконопочетатели, победившие иконоборцев.

При этом нельзя, конечно, стереотипно говорить о враждебном отношении иконоборцев к античному наследию. Ярким опровержением этого являются, например, император-иконоборец Феофил (тонкий ценитель искусств и наук, умеренный гонитель) и его воспитатель патриарх Иоанн Грамматик (весьма красноречивое прозвище, был педагогом и интеллектуалом). Запрещая что-либо одно из культурного наследия, иконоборцы поддерживали, создавали порой новое, необходимое им в своей религиозной и культурной повестке. Однако иконоборцев здесь (если брать сугубо религиозные причины) «подвела» догматическая ветхозаветная установка об идолопоклонстве, о «кумиде», которого нельзя изображать. А также дало о себе знать отвержение физической, чувственной стороны античной калокагии, «греховной» по определению, не дающей воспринимать в качестве священных христианские изображения, созданные под влиянием античной телесности, – это с одной стороны. С другой – подливало масла в огонь и примитивизированное восприятие в духе средневековых суеверий, народное, весьма экзальтированное почитание икон, скорее уже как чисто физических объектов, наделённых магическими свойствами. А возможно было такое грубое понимание и восприятие религиозно-эстетических и догматических вопросов как раз из-за общей деградации в эти века образованности, просвещённости (как и на латинском Западе) народных масс и части элитных групп. Это констатирует весьма чётко историк Церкви Антон Карташёв: «Просвещение Византии и умственная культура значительно понизились со времени Юстиниана Великого (527–565 гг.). Прежние тонкие проблемы догматики стали непосильны большинству богословских умов. Новые поколения могли ухватиться только за вопрос, более доступный упрощённому мышлению. Императоры VII в. были выходцами из варварских Исаурии и Армении. Они бывали иногда и на высоте просвещения своего времени, но тон их умствований был варварски рационалистичен.

Задали они вопрос общепонятный и для народных масс и довели дело до кровавых гонений. В этом их ошибка и непопулярность в истории» [Карташёв, 2023 с. 136].

Как мы видим, даже в такой сфере, как религия, ключевую роль играет пайдейическая система, сильно деградировавшая даже в правящем классе. Становятся очевидными последствия отсутствия просвещённости, которое может привести, по сути, к гражданским войнам (например, на религиозной почве), как это и было в Византии. Именно на таком рельефном фоне становится понятной важность преодоления этого серьёзного культурного кризиса в дальнейшем. Об этом процессе говорит авторитетнейший французский византист Поль Лемерль: «...Византийские гуманисты XIII–XIV столетий, стоявшие у истоков западного Возрождения, пользовались рукописями античных авторов, переписанными в Византии в IX–X веках, и они ничего не смогли бы сделать, если бы за несколько столетий до них ученые предки не собирали бы страстно, не спасли бы и не истолковали то, что сохранилось от наследия древней Греции» [Лемерль, 2017, с. ix].

Собственно, именно благодаря Лемерлю появилась концепция «первого византийского гуманизма» или «энциклопедизма», обозначающего «мостик» между эпохами, а также «цикличность» особенных эпох, характеризующихся интенсификацией художественных и интеллектуальных рефлексий антикизирующей направленности. Как мы видим, потенциала «первого византийского гуманизма» хватило не только на IX–XII века (отличающиеся от VII–IX веков, наоборот, культурным подъёмом), но и на поздневизантийскую эпоху. Этот потенциал дал возможность появиться в IX–XII веках двум так называемым византийским ренессансам – македонскому и комниновскому возрождению. В это время восстанавливается внешнеполитическое господство Империи на мировой арене, проявляется активизация миссионерской деятельности среди разных народов, укрепляются позиции Церкви. Происходит переосмысление античных идеалов, расцветает учёность, появляется этот самый выдающийся византийский энциклопедизм.

3. *Поздневизантийский период – XIII–XV века.* Заключительный этап византийской истории. Он характеризуется деградацией и децентрализацией государственного управления, упадком управленческих качеств элиты. При этом наблюдается очередной мощный культурный расцвет, плодотворная интеллектуальная деятельность, новый взлёт искусства, что в совокупности получило название третьего византийского ренессанса – палеологовское возрождение. Пожалуй, это наиболее яркая страница в истории византийской пайдеи, вступившей после почти тысячелетнего интеллектуального и цивилизационного одиночества в бурную дискуссию с тем, что мы именуем, без всяких кавычек и оговорок, гуманизмом, итальянским гуманизмом. После своего расхождения в раннее Средневековье два кластера античной пайдеи – латинский и греческий снова встретились в Средневековье, чтобы активно обмениваться накопившимся опытом, что выражалось в появлении научных итапо-византийских кругов. При этом подобные «круги» возникли изначально по отдельности как в Италии, так и в Византии. Невероятно насыщенная агонистическая интеллектуально-дискуссионная деятельность в поздней Византии сформировала особую социальную и эмоциональную среду, которую отечественный византолог Сания Гукова определяет «формой духовного общения, получившей особенно широкое распространение в палеологовский период, были неофициальные литературно-философские сообщества, именуемые *θεάτρα*. Здесь велись ученые беседы, читались новые произведения, обсуждались волнующие проблемы» [Гукова, 1991, с. 640]. А долгожданное осознание и восторгание собственным античным прошлым итальянцами, желающими всё воспроизвести, как замечает Якоб Буркхардт [1996, с. 113], устремляет их взоры на византийскую пайдею. Здесь уже сама Византия выступает «передатчиком» греческого компонента Античности, главным образом в филологической сфере, столетиями недоступной латиноговорящим авторам, прежде всего из Флоренции.

К сожалению, этот культурный диалог не смог просуществовать долго по историческим меркам. Империя ромеев доживала свои последние дни под османским натиском, однако, как замечает современный отечественный византолог Татьяна Куш, «даже находясь на пороге неминуемой гибели, Византия позволяла себе роскошь богатой интеллектуальной жизни. В то время, когда, казалось, уже было не до риториков и их рафинированной культуры, в империи все так же кипели научные споры, сочинялись учёные трактаты, собирались литературные кружки, а философы обращались с большой трибуны к благоговейно внимавшей им аудитории» [Куш, 2017, с. 371]. И это действительно может считаться универсальным и уникальным опытом в вопросе ценности духовной, интеллектуальной жизни для человека и общества, несмотря на любые социальные катаклизмы.

Заключение

Конечно, наиболее очевидным результатом исследования можно выделить полный технологический, культурный континуитет системы просвещения на эллинистическом Востоке, хотя расхоже стереотипное представление о полной катастрофе античного цивилизационного наследия в раннем Средневековье. Безусловно, существовал христианско-языческий антагонизм, однако христианская редакция образования была сугубо косметической.

Главным для нас, пожалуй, является судьба пайдейи в рамках уже зрелой византийской культуры, где она сыграла важнейшую роль *«удерживающего»*. Удерживающего от скатывания в бездну тьмы, аналогичную той, которая была на латинском Западе (это положительный момент), хотя именно в кризисную эпоху иконоборчества Византия была к этому наиболее близка. Чётко видна обратная, негативная ситуация, *когда отсутствие нормального просвещения приводит к скатыванию в гражданскую войну на философско-религиозной почве, что стало возможным из-за деградации ценностей пайдейи, прежде всего среди элиты и народных масс*. Это могло привести в дальнейшем даже к культурной, цивилизационной катастрофе на византийском востоке. Однако, к счастью, в условиях социальных катаклизмов среди византийских интеллектуалов *возобладала идея любви к своему эллинскому наследию* – в IX–X веках эти люди страстно сохраняют античные тексты, что спасло пайдейю, гуманизм, энциклопедизм. А это в свою очередь предопределило роль византийской пайдейи как *передатчика* в гуманистическом диалоге Византии и Италии.

Такова судьба и роль греческой пайдейи в истории византийской и, шире, мировой культуры. Но остаётся неотвеченным ещё один важный, конкретный вопрос – как технологически и идейно выглядела уже *византийская пайдейя, её модель*? Это предстоит выяснить уже в другом исследовании.

Список литературы

- Бондаренко Е. А., Борисов С.Н., Римский В.П. 2014. Культурный капитал и интеллектуальные субкультуры в античном духовном производстве. Статья 1. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право»*, 28: 5-19.
- Буркхардт Я. 1996. Культура Возрождения в Италии. М., Юристъ, 591 с.
- Гукова С.Н. 1991. Школа и образование в поздней Византии. В кн.: *Культура Византии. XIII – первая половина XV в.* Под ред. Г.Г. Литаврина. М., Наука: 395-411.
- Дегт Э.Б. 2022. Пайдейя – характерные особенности и эволюция античной системы образования. *Южный Полюс. Исследования по истории западной философии*, 8: 51-63 51-63. DOI: 10.18522/2415-8682-2022-8-51-63.
- Джуринский А.Н. 2000. История педагогики. М., Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 432 с.
- Драч Г.В. 2024. Об античном полисе и проблемах происхождения науки и философии: перечитывая Петрова. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 5–16. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-5-16.

- Йегер В. 2001. Пайдейя. Воспитание античного грека. Том 1. М., Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина. (Jäger W. 1936. Paideia. Die Formung des griechischen Menschen. Erster Band. Berlin und Leipzig, Walter de Gruyter & CO).
- Карташёв, А. В. 2023. Вселенские соборы в 2 частях. Ч. 2. М., Юрайт, 298 с.
- Куш Т. В. 2017. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. М.; Екатеринбург, Кабинетный учёный, 412 с.
- Лемерль П. 2017. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века. СПб., Издательский проект «Квадривиум», xiv+482 с. (Lemerle P. 1971. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture a Byzance des origines au Xe siècle. Paris Presses Universitaires de France).
- Лосев А.Ф., Шестаков В. П. 1965. История эстетических категорий. М., Искусство, 374 с.
- Марру А.-И. 1998. История воспитания в античности (Греция). М., Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 425 с. (Marrou H.-I. 1965. Histoire de l' education dans l'antiquité. Paris.).
- Ницше Ф. 2001. Рождение трагедии. М., Издательство Ad Marginem, 736 с.
- Фрейберг Л.А. 1975. Античное литературное наследие в византийскую эпоху. В кн.: Античность и Византия. Под ред. Л.А. Фрейберг. М., Наука: 5-52.
- Burckhardt J. 1998. The Greeks and Greek Civilization. Электронная книга URL: <https://archive.org/details/greeksgreekcivil00burc/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 07 августа 2024).
- Kaldellis A. 2007. A Heretical (Orthodox) History of the Parthenon. Электронная книга. URL: https://lsa.umich.edu/content/dam/modgreekasets/Home/Window%20to%20Greek%20Culture/Lectures%20at%20U-M/LaUM_Kaldellis_HereticalParthenon.pdf (дата обращения: 10.08.2024)
- Kaldellis A. 2009. The Christian Parthenon. Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. Электронная книга. URL: <https://books.google.ru/books?id=CIuOUcai6LkC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 10.08.2024)

References

- Bondarenko E.A., Borisov S.N., Rimskiy V.P. 2014. Cultural capital and intellectual subcultures in ancient mental production. Paper 1. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo»*, 28: 5-19. (in Russian).
- Burckhardt J. 1996. Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii [The Civilization of the Renaissance in Italy]. Moscow, Publ. Yurist, 591 p.
- Gukova S.N. 1991. Shkola i obrazovanie v pozdney Vizantii [Schools and education in Late Byzantium]. In: Kul'tura Vizantii. XIII - pervaya polovina XV v. [The culture of Byzantium. XIII - the first half of the XV century]. Ed. G.G. Litavrin. Moscow, Publ. Nauka: 395-411.
- Degg A.B. 2022. Paideia – characteristic features and evolution of the ancient education system. *Yuzhnyy Polyus. Issledovaniya po istorii zapadnoy filosofii*, 8: 51-63 (in Russian). DOI: 10.18522/2415-8682-2022-8-51-63.
- Dzhurinskiy A.N. 2000. Istoriya pedagogiki [History of pedagogy]. Moscow, Publ. Vldos, 432 p.
- Drach G.V. 2024. On the Ancient Polis and the Problem of the Origin of Science and Philosophy: Rereading Petrov. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 5–16 (in Russian). DOI:10.52575/2712-746X-2024-49-1-5-16.
- Yeger V. 2001. Paydeyya. Vospitanie antichnogo greka. Tom 1 [Paideia. The upbringing of an ancient Greek. Vol. 1]. Translated from German. Moscow, Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum. 594 p. (Jäger W. 1936. Paideia. Die Formung des griechischen Menschen. Erster Band. Walter de Gruyter & CO. Berlin und Leipzig).
- Kartashev, A. V. 2023. Vselenskie sobory v 2 chastyakh. Ch. 2. [The ecumenical councils in 2 volumes. V. 2]. Moscow, Publ. Yurayt, 298 p.
- Kushch T.V. 2017. Na zakate imperii: intellektual'naya sreda pozdney Vizantii. [At Sunset of Empire: The Intellectual Milieu of The Late Byzantium]. Moscow, Ekaterinburg, Publ. Kabinetnyy uchenyy, 412 p.
- Lemerl' P. 2017. Pervyy vizantiyskiy gumanizm. Zamechaniya i zametki ob obrazovanii i kul'ture v Vizantii ot nachala do X veka. [Byzantine Humanism: The First Phase. Notes and Remarks on Education and Culture in Byzantium from its Origins to the 10th Century]. Translated from French.

- Saint-Petersburg, Publ. Kvadrivium, xiv+482 p. (Lemerle P. 1971. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture a Byzance des origines au Xe siècle. Paris Presses Universitaires de France).
- Losev A.F., Shestakov V.P. 1965. Istoriya esteticheskikh kategoriy [The history of aesthetic categories]. Moscow, Publ. Iskustvo, 374 p.
- Marru A.-I. 1998. Istoriya vospitaniya v antichnosti (Gretsiya) [A history of education in antiquity]. Translated from French. Moscow, Publ. Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum, 425 p. (Marrou H.-I. 1965. Histoire de l' education dans Tantiquite. Paris.).
- Nitsshe F. 2001. Rozhdenie tragedii [The Birth of Tragedy]. Moscow, Publ. Marginem, 736 p.
- Freiberg L.A. 1975. Antichnoe literaturnoe nasledie v vizantiiskuyu epokhu [Ancient literary heritage in the Byzantine era]. In: Antichnost' i Vizantiya [Antiquity and Byzantium]. Ed. L.A. Freiberg. Moscow, Publ. Nauka: 5-52.
- Burckhardt J. 1998. The Greeks and Greek Civilization. E-book. Available at: <https://archive.org/details/greeksgreekcivil00burc/page/n9/mode/2up> (accessed: 07 August 2024).
- Kaldellis A. 2007. A Heretical (Orthodox) History of the Parthenon. E-book. Available at: https://lsa.umich.edu/content/dam/modgreekasets/Home/Window%20to%20Greek%20Culture/Lectures%20at%20U-M/LaUM_Kaldellis_HereticalParthenon.pdf (accessed: 10 August 2024)
- Kaldellis A. 2009. The Christian Parthenon. Classicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. E-book. Available at: <https://books.google.ru/books?id=CIuOUcai6LkC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed: 10 August 2024).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 24.12.2024

Поступила после рецензирования 24.03.2025

Принята к публикации 30.05.2025

Received December 24, 2024

Revised March 24, 2025

Accepted May 30, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дегг Эндрю Брайан, экскурсовод, Институт развития образования, г. Ростов-на-Дону, Россия.

 <https://orcid.org/0009-0002-0096-9084>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrew Bryan Degg, guide, Institute of Education Development, Rostov-on-Don, Russia.

 <https://orcid.org/0009-0002-0096-9084>